

Твоё жильё должно быть светлым и высоким,
Запомни навсегда – просторным и сухим,
Чтоб мог ты по нему пройтишь и босоногим,
Чтоб дух лесов в нём был тобою ощутим.

Ты посмотри: вокруг смолой вздыхают ели,
Пред Богом и землёй они всегда равны,
Они растут года, они не постарели,
Их взоры в тишине глубинны и черны.

Когда построишь ты из молажавых брёвен
Для тела и души благочестивый сруб,
С природой станешь ты вовек единокровен,
Как давний предок твой – смоленский боголюб.

ПОМЫСЕЛ

И вечер в палисадник слёг,
И ночь моя черным-черна,
И, оборвав начало сна,
Я повернусь на правый бок.

Я здесь забыт и знаю кем,
Из тьмы времён и я возник,
И я всё пялюсь на божник,
И думаю – о ком, зачем.

Писклявый ропот половиц
Прервёт теплеющий шесток.
Вдруг месяц станет желтолиц,
Я повернусь на левый бок.

Вот что-то булькнуло в сенях,
Наверно, ветер юркнул в кадь.
Я в гости вас хотел зазвать,
Мечты, размытые в дождях.

Но вам, конечно, невдомёк.
И жизнь моя вода водой.
Я поднебесный часовой,
Пустивший утро на порог.

Я пробуждался, понимая, мир – ничей,
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячи лучей –
Так было утром, в радужном июле,
Когда гулял по полю суховей.

И не было росы, и мир ещё был сух,
И было всё вокруг теплом увито,
И от стогов, небурного жита
На небо возносился русский дух,
Освобождённый от назойливого быта.

И утро возрастало тихо-тихо,
И славили священные миры
В полётах вдохновенно комары,
Которых соблазняла комариха
Укусами зевотной детворы.

Дождей приблизились обстрелы,
И влагой пажити дымят,
Никто не видит кукушат:
Движения птенцов несмелы,
Они в неведомость глядят.

Им кажется, что вдоль опушки,
Где бродит кто-то, но не я,
Где рыки чуются зверья,
Где девы плачут от присушки,
И молят Бога кумовья,

Где свет подвластен дымным лохам,
И шелест манит пустельгу,
Чья тень скользит по лозняку,
По травам чахлым и подсохлым,
Летит прощальное: «ку-ку...»

Смиренная вода немых озёр,
Читал я «Отче наш...», сжимая чётки,
И ощущал твой вековой надзор
Над звёздами в небесном околотке.

И слышалось мне пение уключин
И тихий шёпот каждого гребка,
Я был с тобой, Смоленщина, созвучен,
Ты для меня близка и далека.

Я шёл во тьме на смоляной долблёнке
На берег дальний, где среди купав
Уснуло время, позабыв о гонке,
Неравный ход событий задержав

И радовался я проплывшей рыбе,
Тому, что впереди родная твердь,
И берегу свиданий в недосыпе,
Где утро разделяло жизнь и смерть.

БОЛДИНО

*Святому преподобному Герасиму Болдинскому
Переславскому и Смоленскому чудотворцу*

На повороте я сжимаю стырь,
И полным ходом заскользила лодка.
За берегом леса, путь в монастырь,
А по пути – изба в нём домоводка.

Хозяйка сиротливого села,
Затворница, не давшая обета,
Проезжим пироги она пекла
И тем жила от лета и до лета.

И дом её среди густой травы,
За домом сад, сарай, задок и грядки,
И жизнь её в размеренном порядке,
Спокойно всё, ведь все вокруг мертвы.

Спросил её: «Да как же ты жива,
Зажатая дремучим чернолесьем?».
Она с улыбкой отвечала: «Да жива,
А что, милоч, мы в жизни этой весим?»

Что весим мы? Что главное для нас?
В мгновенья, когда свет сердечный гасим,
И почему – в который уже раз –
Меня врачует Болдинский Герасим?

БЛАГОТВОРЕЦ

*Схиархимандриту Рождества Богородицы
Свято-Пафнутьева Боровского Монастыря
Власию (Перегонцеву)*

И солнца луч мертворождён,
И холод нагнетает пытки,
И всё же требует подпитки
Листва, спадающая с крон.

Скажите мне: а можно ей
Чего-то требовать в приплясе
И падать в дождевой проказе,
Забыв о крепости ветвей,

И умолять кого? О чём?
Листвы смердеет позолота,
И время вьюжного подлёта
Предсказано календарём.

И что листва оставит нам?
Кого, прощаясь, обессилит?
Кто будет, раненный навывлет,
Вверять болезни образам?

И чья смиренно теплота,
Когда рассвирепеют стужи,
И станет всем безвольно хуже,
Летит сквозь темень от скита?

Кто в разночтенье катавасий
Окажется с тобой вблизи?
Ты сердце тихо расспроси,
Оно ответит: старец Власий.

ГОСТЬ

Уверен был: закончу три строки
И отложу всё в умственный сусек.
Слова мои – мои проводники,
Ко мне из них явился человек.

Представилось: он вовсе одинок,
Живёт неслышно в убранном подклете,
Таких все любят: взрослые и дети,
В руках его из камня голубок.

Сквозит в глазах тревожное терпенье,
Он вроде бы загадочен и прост,
Как высмолил он птицы оперенье,
С каким отливом разукрасил хвост!

Сверкают крылья, белоснежен клюв,
И лоб широк, и взор надменно-серый.
С какой творит он благодатной верой
Ночами напролёт, не отдохнув!

А голубь, зоб внушительно раздув,
Всё важничал и нас не замечал,
А я всё думал: что за материал?
Потом решил: это смоленский туф.

А этот голубь, может быть, – чеграш –
Двугубый или тучерез?
Я всё гадал, а визитёр исчез,
И этот миг уже не мой, а ваш.